

Мы прождали в комнате около часа. Кроме приветствий в самом начале, все хранили молчание, словно по негласному уговору, и каждый был погружен в свой телефон.

После восьми вечера в корпоративном мессенджере пришло сообщение от секретариата председателя совета директоров. Внутри — фотографии и подробные досье на всех руководителей, присутствующих на сегодняшнем банкете.

Я украдкой взглянул на остальных: все как один листали ленту в телефонах. Похоже, им разослали те же материалы.

Минут через десять девушка в образе придворной дамы эпохи Тан поднялась со своего места и произнесла:

— Пойдемте в банкетный зал.

На ужин прибыло немало высокопоставленных лиц, самый низкий чин был уровня начальника управления.

Красавцы и красавицы, сидевшие с нами в одной комнате, рассредоточились рядом с каждым из руководителей и по очереди начали выступать, развлекая гостей. Первой вышла та самая девушка в танском наряде. Ее рукава плавно скользили в танце, движения были изящны и вызывали восхищение.

Минимальный порог для трудоустройства в группу Цзянхуа — диплом бакалавра вуза из списка 985. Ее образование в сочетании с выдающейся внешностью и грацией, безусловно, делали ее грозным оружием в корпоративной среде. Впрочем, такие красавцы и красавицы заслуживают своего места, раз способны регулярно появляться на подобных элитных банкетах и собирать нужные ресурсы.

Мы с Чжао Бо сидели рядом с зоной подачи блюд. Когда кто-то из руководителей интересовался делами компании, Чжао Бо вставал, выпивал рюмку и начинал профессионально отчитываться. Если гость проявлял интерес — он рассказывал подробнее, если нет — сводил ответ к минимуму. Но независимо от того, много он говорил или мало, каждый раз, поднимаясь со стула, он был обязан выпить.

Во время банкета, когда я вышел в уборную, то через окно в коридоре увидел, что за домом есть лестница в несколько десятков ступеней, ведущая к подножию горы. Там, скрытые густыми деревьями, притаились с десяток отдельных домиков на сваях. Место было уединенным и живописным, добраться туда можно было только через задний двор, и, если не знать, с дороги их было попросту не заметить.

Я, желторотый юнец, только вступивший во взрослую жизнь, был поражен. С тех пор как ужесточили контроль за поведением госслужащих, снаружи все считали, что наступила эпоха кристальной чистоты. Кто бы мог подумать, что все просто переместилось из публичных мест в такие вот скрытые от глаз уголки, где можно продолжать наслаждаться жизнью без лишних

свидетелей.

Когда банкет закончился, мы с Чжао Бо поехали обратно. Ло Сюэ вышла проводить нас.

— Директор Чжао, менеджер Гу, спасибо вам за сегодняшний труд. Будьте осторожны в дороге.

Голос у Ло Сюэ был интеллигентным и мягким, ее слова приносили приятное успокоение. Признаться, когда она обратилась ко мне, я почувствовал неловкость от оказанного внимания.

После этого банкета я осознал, насколько она сильна. Каждый шаг был тщательно выверен, и, кроме меня, у каждого человека здесь была своя четкая функция. Столь высокий уровень приема она организовала легко и непринужденно, торжественно, но без излишнего пафоса. Секретарь совета директоров, лавирующая между такими влиятельными фигурами, держалась скромно, но уверенно, обладая редким даром добиваться своего малыми усилиями. От нее веяло дружелюбием, но в то же время чувствовалась скрытая мощь. Она могла улыбаться, но при этом подавлять своим присутствием.

Ло Сюэ — серьезный игрок, это я понял. Однако я все еще не понимал, от чего именно предостерегал меня Сун Циншань. Мы с ней люди совершенно разного уровня, и точек соприкосновения у нас почти нет — какие у нее могут быть виды на меня?

Из-за того случая, когда Ян Шия чуть не изнасиловала меня, я несколько дней не общался с Сун Циншанем. Не то чтобы я злился на него, просто не знал, как заговорить. Стоило мне связаться с ним, как я бы не удержался и начал жаловаться на эту сумасшедшую Ян Шия. Но как ни крути, у них общий ребенок, им еще встречаться в будущем, и я не хотел накалять обстановку, а тем более не хотел, чтобы он отвлекался или оказывался в неловком положении из-за меня.

И все же я посчитал нужным рассказать ему о сегодняшнем дне. Вернувшись домой, я вкратце описал ему все события. Возможно, в моих словах невольно проскользнуло восхищение Ло Сюэ.

Выслушав меня, он не стал давать оценок, лишь заметил, что полезно выбираться в свет и заводить новые знакомства, и больше не возвращался к теме о том, что мне следует держаться от Ло Сюэ подальше.

В Сун Циншане была некая мягкая отстраненность. Он не читал нравоучений и не пытался исправлять чужие ошибки. Он всегда оставался холодным, нежным, сдержанным и соблюдающим границы. Никто не мог повлиять на его поведение, и я — тоже.

Я догадывался, что он ничего не скажет, но когда он действительно промолчал, на душе стало как-то пусто.